

Мгла

изначальная

ЕКАТЕРИНА КУЛИК-САФРОНОВА

Екатерина Кулик-Сафронова

Мгла изначальная

<https://litres.ru/74044451>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привычный мир рушится, и прагматичный ученый Кирилл оказывается на затянутом туманом шоссе вне времени. Здесь он встречает загадочную босую девушку Лерайю, пришедшую из другого измерения. Теперь им двоим предстоит отправиться в полное опасностей путешествие через сталкивающиеся вселенные. Какие приключения ждут Кирилла и Лерайю на этом пути? Смогут ли они преодолеть все смертельные ловушки, найти общий язык, пройти эти испытания и завершить свою миссию?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26

Екатерина Кулик- Сафронова Мгла изначальная

Глава 1

Рабочее название МГЛА ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Глава 1

Начало

Первобытный ужас... Что это? Когда обычный страх становится им? Можно ли тревогу перед сном считать первобытной, всеобъемлющей?

Это не сон, но СОН. Такие видения бывают редко. И запоминаются во всех деталях. И кошмар, что испытал в этом забытьи. Его тоже запомнишь. На всю жизнь.

Он продолжал лежать неподвижно, боясь даже вздохнуть слишком громко, словно тишина в спальне была тонким льдом, готовым треснуть под весом его паники. В углу мерно тикали часы, и этот обычный, домашний звук казался сейчас чужим, почти враждебным. Кирилл заставил себя сфокусировать взгляд на знакомых очертаниях шкафа, убеждая разум, что он дома, в безопасности, и бездна осталась там, за закрытыми веками. Но воздух в комнате казался слишком

густым, пропитанным чем-то невидимым и тяжелым.

Постепенно оцепенение стало его отпускать. Вместе с ним начала теряться и нить самого видения. Картинки рассыпались, как пепел. Разум очистился, но тело не обманешь: липкий след ночного кошмара всё еще ощущался физически — тяжелым комом в груди и дрожью в пальцах. Он забыл врага, но инстинкты продолжали кричать об опасности.

Кирилл заставил себя сделать вдох — глубокий, до боли в ребрах, пытаясь вытолкнуть из легких остатки липкого сна. Его убежище медленно обретало резкость: пятно света на потолке, знакомый скрип старого шкафа, слабый запах вчерашнего кофе. Реальность казалась хрупким стеклом, за которым всё еще ворочалась бездна. Он медленно разжал пальцы, до белизны впившиеся в одеяло, и только тогда заметил, что в спальне подозрительно тихо. Окружающее пространство было ватным, давящим, как перед грозой.

Вдруг это утреннее оцепенение разорвал телефонный звонок.

Экран смартфона вспыхнул, заливая стены холодным неоновым светом. На дисплее высветилось: «Борисовский».

Мужчина замер. Семь дней он не брал трубку, наслаждаясь покоем. Но этот вызов был другим. Он протянул дрожащую руку и нажал «принять».

— Кира, прости, что беспокою в отпуске, — голос коллеги дрожал от плохо скрытой паники. — У нас ЧП на двенадца-

том стенде. Произошла нештатная ситуация... мы не понимаем, что это. Внешнее воздействие или критический сбой системы. Параметры зашкаливают, а твои коды доступа — единственные, которые всё еще принимают терминалы. Он слушал, а перед глазами вдруг всплыл обрывок того самого кошмара: темный коридор лаборатории и что-то, что ждало его именно у этого злополучного стенда.

— Что значит «внешняя ситуация»? — хрипло спросил он, глядя, как на его руке, сжимающей телефон, медленно проступает странное, багровое пятно, которого еще вчера не было.

— Кира, ты слышишь? — голос коллеги в динамике вырвал его из оцепенения. — Двенадцатый стенд... Биопринтер начал самопроизвольную печать. Мы не вводили код. Он воссоздаёт структуру миндалевидного тела. И, Кира... оно транслирует сигнал. Прямо в общую сеть. Мы все здесь чувствуем... его воздействие.

Вдруг разговор прервался и в трубке раздались короткие гудки.

Кирилл Андреевич — или просто Кира, как называли его ещё со времён вечно голодного студенчества — меньше всего походил на "светило науки". В свои тридцать четыре он

сохранил привычку сутулиться, словно пытаюсь стать незаметнее, и вечно терять очки прямо у себя на носу. Его жизнь последние десять лет измерялась не временами года, а циклами деления клеток и графиками активности нейронов в Лаборатории прикладной нейробиологии.

Кира был из тех редких специалистов, кто сочетал в себе холодный аналитический ум и почти детское, граничащее с одержимостью, любопытство. Он мог часами наблюдать за пульсацией биомассы в инкубаторе, забывая об обеде и сне. Коллеги знали: если на стенде происходит что-то необъяснимое, звать нужно именно его. Он видел закономерности там, где другие видели хаос.

Но неделю назад он сломался. Слишком долго он вглядывался в бездну человеческого ужаса, изучая, как мозг реагирует на пограничные состояния. "Этот феномен — просто химия", — любил повторять он на лекциях. Но сегодня эта "химия" вытекла из пробирок и заполнила его собственную спальню.

Он сидел на краю кровати, в своей старой фланелевой рубашке, которую надевал только дома, в те редкие моменты, когда позволял себе быть не "ведущим специалистом", а просто собой. Его пальцы, привыкшие к ювелирной точности микрохирургических инструментов, сейчас мелко дрожали.

Он встал, чувствуя, как пол под ногами все еще кажется зыбким, словно граница между СНОМ и комнатой не до конца восстановилась. Действовал он быстро, почти механически, как приучила работа в экстренных ситуациях. Зашел в ванную, плеснул в лицо ледяной водой, стараясь смыть липкое оцепенение, но even не взглянул в зеркало — боялся увидеть в своих зрачках отсвет того первобытного ужаса.

Быстро оделся, натягивая привычные джинсы и плотное худи с капюшоном и полустёртым логотипом «Rammstein», даже не думая о завтраке. Желудок сжался в тугой узел, любая еда сейчас показалась бы пеплом.

Кирилл подхватил металлическую связку, пропуск и вышел из квартиры, находившейся в элитном загородном ЖК, запер дверь на два оборота, словно это могло защитить его дом от того, что проснулось в лаборатории

Путь до лифта он проделал как в тумане, осознав себя уже внутри кабины. Мерно подрагивая, она спускалась вниз, а молодой человек, прислонившись плечом к холодной металлической стенке, замороженно смотрел на свои руки. Пальцы машинально, с какой-то пугающей ловкостью, крутили связку ключей с тяжелым брелоком. Ключи от мотоцикла.

Рев мотора и скорость были для него единственным способом по-настоящему выключить голову. Когда он садился

в седло своего старого байка, Кирилл Андреевич, ведущий специалист научного центра, переставал быть ученым. Дорога буквально вымораживала все посторонние мысли, оставляя только чистый адреналин и свист ветра в шлеме. В эти минуты насущные проблемы — отчеты, капризные биопринтеры и этические дилеммы — просто выдувались из памяти. Только так он мог заставить замолчать свой вечно анализирующий разум.

Но сегодня этот "холод" не спасал.

Шагнув в полумрак паркинга, Кирилл подошёл к аппарату и сорвал чехол и замер. На бензобаке, прямо посреди слоя пыли, скопившейся за неделю простоя, кто-то — или он сам в забытии? — вывел пальцем один-единственный символ. Тот самый знак, который он видел на двенадцатом стенде в своем кошмаре.

Он завел мотор, мощная вибрация прошла сквозь всё тело. Раньше этот звук байкера успокаивал. Теперь же он казался продолжением того самого низкого гула, который преследовал его в СНЕ у злополучного стенда.

"Ну что ж, проверим, можно ли убежать от собственного страха", — прошептал он, опуская визор шлема и выезжая в утренние сумерки

Дорога к лаборатории петляла серым бетонным шнуром. Кирилл заложил крутой вираж, почти касаясь коленом асфальта — адреналин наконец-то начал вытеснять липкий остаток сна.

Но за следующим поворотом реальность резко встала на дыбы.

Прямо посреди пути, в полосе утреннего тумана, стояла фигура. Кирилл ударил по тормозам. Заднее колесо байка взвизгнуло, уходя в юз, из-под покрышек полетела каменная крошка. Он замер в паре метров от неё, окутанный запахом жженой резины и бензина.

Она не шелохнулась. Длинные русые волосы развевались на ветру, живя какой-то своей, отдельной от этого мертвого утра жизнью. На ней было длинное, в пол, платье из грубого льна — совершенно неуместное здесь, на скоростном шоссе.

Кирилл рванул визор шлема вверх, заглатывая холодный воздух, но слова застряли в горле. На него смотрели пронзительные голубые глаза — такие глубокие, что их свет, казалось, заглядывал в самую суть, достигая тех потаённых уголков его души, о существовании которых он и сам не подозревал. В этом выражении лица не было враждебности, только вечное, пугающее знание.

Из-под подола виднелись её босые ступни. Тонкие, беззащитные пальцы уверенно прижимались к грубому, серому асфальту, словно она стояла не на скоростной трассе, а на мягком ковре из лесного мха.

Девушка сделала шаг навстречу, не обращая внимания на остывающий, пощелкивающий металлом байк. Она молча протянула руку и накрыла своей ладонью его запястье — именно там, где под кожей жгло багровое пятно. Кирилл вздрогнул, но не отстранился: её ладонь была прохладной, как ключевая вода, и эта прохлада мгновенно уняла зуд.

Она медленно отвернула край его перчатки, обнажая знак. Её взгляд на мгновение вспыхнул, отражая утренний свет, и она произнесла едва слышно, почти одними губами...:

— Ты. Наконец-то...

Фраза повисла в воздухе, неоконченная, но в ней было всё: и облегчение, и пугающее предчувствие того, что теперь пути назад, к его привычным кодам и биопринтерам, больше нет.

— Я же мог не успеть! — выдохнул он, чувствуя, как внутри всё клокочет.

И в этот момент, когда затихли последние отголоски его

собственного хриплого крика, его захлестнула тишина. Настоящая, вакуумная. Кирилл вдруг осознал то, чего не замечал в горячке торможения и спора: дорога была пуста. Мертвенно опустела. В этот утренний час здесь уже должна была нестись плотная лавина машин, гудеть фуры, мигать фары спешащих в город клерков. Но за те несколько мгновений, что он стоял на обочине, мимо не пронеслось ни единого автомобиля. Ни одного звука мотора вдали, ни единого шороха шин по асфальту.

Весь мир словно замер на паузе, оставив на этой серой полосе бетона только его, хрипящий остывающим металлом байк и эту босую женщину с пронзительными глазами. Время в этом месте больше не текло — оно заиклилось вокруг них двоих.

Девушка посмотрела на него, и её пронзительные голубые глаза в одно мгновение прошли его насквозь, точно тысячи ледяных игл, и тут же окутали почти осязаемой, глубокой теплотой. Этот взор лишал воли сильнее любого гипноза. Кирилл задохнулся на полуслове, чувствуя, как ярость внутри него гаснет, не в силах сопротивляться этому странному покою.

— Ты уже опоздал, — негромко, но отчетливо произнесла она. Голос её был лишен эмоций, в нём звучала лишь природная, холодная правда. — Всё уже случилось.

До него не сразу дошёл истинный, жуткий смысл её фразы. Она говорила не про тормоза.

И в этой вакуумной тишине пустой трассы, где в утренний час не пролетело ни единого автомобиля, её реплика прозвучала как окончательный приговор его прошлой жизни.

Мужчина замер, чувствуя, как внутри всё леденеет. Смысл её слов ускользал, разбиваясь о стену его логики. Он лихорадочно пытался зацепиться за реальность, и вопросы посыпались из него один за другим, срываясь на хрип:

— О чём ты?.. Кто ты вообще такая?! — он сделал шаг назад, едва не споткнувшись о подножку байка. — Что тебе от меня нужно? Что ты забыла здесь, на середине дороги?!

Его голос дрожал, а в голове пульсировала одна и та же мысль: в этот час на трассе должно быть не протолкнуться, но реальность вокруг словно выцвела, превратившись в глухой застывший кокон. Ни единого автомобиля. Ни одного звука вдали.

— При чём здесь я? — почти прошептал он, глядя на её босые ноги, которые, казалось, врастали в серый асфальт. — Я просто ехал на...

Последнюю реплику он проглотил на полуслове. Девушка не отвечала, но её взгляд говорил яснее любых слов: его прежняя жизнь закончилась в ту секунду, когда на двенадцатом стенде проснулось то, что не имело имени. Посреди этого мёртвого, оглушительного безмолвия Кирилл вдруг понял — она здесь не случайно. Она и была той самой тишиной.

Мужчина рванулся к мотоциклу, хватаясь за руль как за спасательный круг.

— Мне нужно туда... К двенадцатому стенду... Я ещё могу всё исправить! — слова вылетали рвано, вместе с облачками пара в холодном утреннем воздухе.

Она даже не шелохнулась. Её босые ноги всё так же уверенно прижимались к мёртвому покрытию, которое, казалось, начало поддёргиваться тонкой плёнкой инея.

— Возвращаться некуда, Кирилл, — негромко произнесла она, и в её голосе не было злорадства, только бесконечная усталость. — Там больше нет стендов. И нет людей, которые их создавали.

Он замер, сжимая ручку газа так, что захрустела кожа перчатки.

— Что ты несёшь?.. — прошептал он, оборачиваясь в сто-

рону города.

Но горизонта не было. Там, где должны были возвышаться стеклянные корпуса лаборатории и жилые высотки, теперь клубилась тяжёлая, неподвижная мгла, в которой тонули все звуки и смыслы. Город замолчал. Навсегда.

— Кто ты?... — почти бесцветно спросил он.

Ветер снова шевельнул её русые волосы, и вместе с этим движением до Кирилла долетел едва уловимый, чужой для этой трассы запах. В нём не было ни бензина, ни остывающего металла, ни стерильной пустоты исследовательского центра.

Девушка вдруг шагнула к нему. Кирилл не успел ни отпрянуть, ни возмутиться — её жест был текучим, как тень, и неуловимым, как вздох. Она мягко коснулась его щеки кончиками пальцев.

В ту же секунду яростный гул крови в ушах смолк. Горький смрад жжёной резины бесследно растворился, уступая место тому самому аромату, который теперь раскрылся во всей силе, возвращая его в самое глубокое, почти стёртое детство. Так пахли мамины блинчики в субботний день — тёплым тестом, клубничным вареньем и подтаявшим сли-

вочным маслом. Или это была растёртая в ладонях спелая смородина?

Запах был настолько живым, что в груди у Кирилла что-то болезненно сжалось. Этот аромат не принадлежал этому месту. Он не принадлежал этой жизни, которую исследователь так старательно пытался оцифровать и разложить на нейроны.

Пальцы девушки были прохладными, но от её прикосновения по телу разлилось странное, давно забытое тепло. В глазах, привыкших к сухому свету мониторов, предательски защипало.

— Я — то, что ты забыл, Кирилл, — негромко ответила она. Улыбнувшись лишь уголками губ, она добавила: — Лерайя.

— Лерайя... Лерайя... Ле... Кирилл несколько раз произнёс, — Лера?!

От этого имени, произнесенного в пустой вакуумной тишине трассы, у мужчины окончательно перехватило дыхание. Оно прозвучало так просто и знакомо, будто он всегда его знал, но прятал за формулами и графиками. Она убрала руку, оставив на его коже обжигающий след прохлады, и Кирилл понял: теперь его прежнее существование окончательно осталось по ту сторону тумана.

Глава 2

Глава 2

Лерайя

Лея, ты собралась? Ну сколько можно! Оракул не будет тебя ждать! Нельзя быть такой медлительной!

Слова соседки до сих пор звучали в голове. Пресветлая, как давно это было! Как будто в прошлой жизни...

— Лерайя, очнись! Пошли уже в порталную. Нам пора.

Лея подхватила саквояж, собранный накануне вечером, и поспешила за синеокой Мирайей. Целых четыре года они делили одну комнату. Еще немного — и у каждой из них будет своя дорога. Как же ей будет скучно без сумасбродных выходок Мирри! Интересно, что им скажет Оракул?

Мысли Леи текли плавно и неспешно, пока они добивались до зала телепортации, где их ждал куратор группы. Остался последний экзамен, который так можно было назвать с большой натяжкой — скорее, что-то среднее между предсказанием и распределением. Но некоторые и на нем умудрялись срезаться: Оракул просто молчал.

— Лея, — подруга дернула её за рукав, — как ты думаешь, куда закинет нас этот старый маразматик?

— Мирри, не гневи Пресветлую. Оракул не маразматик.

— Ой, да ладно. Скучно с тобой. Я бы хотела, чтобы он предсказал мне кучу интересных приключений... Тут их догнали однокурсники, и Рыжий Пан, услышав последнюю фразу Мирайи, усмехнулся:

— Мирри, не нужно быть Оракулом, чтобы предсказать: приключения на свою голову — и не только на неё — ты найдешь сама. Не важно, в какой из миров он тебя распределит.

Так, непринужденно переговариваясь, они дошли до портальной комнаты. Ректор Валио Борке уже ждал их. И как только шумная компания выпускников появилась в дверях, отдал приказ открыть портал.

— Рекор Валио, а где куратор Тронг? — спросил Пан.

— Куратор занят. К Оракулу вас провожу я.

— А... — Пан попытался продолжить расспросы, но ректор его перебил:

— Ещё один вопрос, Пан, и в моей власти отложить твою встречу с Оракулом на год.

Сказав это, он окинул компанию цепким взглядом, почему-то на секунду задержал его на Лее и скомандовал: «За мной!» — после чего первым шагнул в открывшееся марево.

Перемещение прошло гладко. Лее уже приходилось пользоваться порталами, поэтому она смело шагнула следом и очутилась в потрясающе красивом гроте. Не сумев совладать с эмоциями, девушка замерла, рассматривая стены. А посмотреть было на что: казалось, они попали в секретное гномье хранилище — так ярко всё вокруг сверкало разноцветными самоцветами. Правда, Лее показалось, что магия в этих камнях пульсирует как-то неровно, со скрытым напряжением, словно перед грозой. Но развить эту мысль она не успела.

— Лерайя Невдеус! Вы хотите, чтобы однокурсники топтались на вас? — раздался строгий голос ректора.

Лея отвлеклась от созерцания и виновато посмотрела на Валио Борке.

— Уйдите от входа! — рявкнул он.

Она тут же сделала шаг в сторону. И вовремя. Из портала кубарем вылетел Пан, за ним показалась Мирайя, а следом и все остальные.

— Ну, все в сборе? — ректор снова оглядел выпускников.
— Никто не передумал? Ещё есть шанс отложить встречу со Всеведущим. Нет? Тогда в путь.

Ректор развернулся и повел группу к проходу, которого ребята до этого момента не видели. Может, он и был тут раньше, а может, открылся только что — кто ж его разберет в таком сверкании.

Шли они молча. Притихла даже Мирри, да и Пан как-то вдруг подсобрался и присмирел. Ректор ни разу не оглянулся за весь путь. Казалось, он был полностью погружен в свои, явно невеселые мысли.

Через час бодрого шага, когда все — или, по крайней мере, Лея — подумали, что пора бы уже либо устать, либо дойти, ректор наконец остановился. Напротив них возвышались массивные резные ворота. Они выглядели так, будто являлись естественным продолжением стен грота. Самоцветы, усеявшие породу, сверкали и здесь, но прямо у створок их свет не то чтобы померк, а словно покрылся слоем серой пыли. Лея заметила, что ректор Валио тоже оглядывает камни

и мрачно хмурится.

— Входить будете по одному, — вывел их из оцепенения его голос, — когда ворота откроются.

— А первым кто пойдет? — тихо спросил кто-то из ребят.

— Тот, кого Оракул призовет.

С тяжёлым гулом ворота разошлись. За ними зияла абсолютная темнота. И тут от группы отделилась Мирайя. Улыбаясь непонятно чему, она уверенно зашагала к проходу. Лея хотела остановить её, окрикнуть, но ей будто невидимая рука зажала рот — девушка не смогла вымолвить ни звука. Мирри скрылась в темноте, и створки захлопнулись.

Прошло не знаю сколько времени, но подруга так и не появлялась обратно. Вдруг створки снова открылись. Лея уж думала обрадоваться ей, расспросить её, что там внутри, но проход встретил выпускников первозданной пустотой. Краем глаза уловив движение, Лея повернула голову и увидела, как Пан сдвинулся с места. Он пошагал к воротам, на секунду обернулся к ней, весело подмигнул и скрылся в чёрном провале. Двери за ним тут же сомкнулись.

Вот тут Лея уже не выдержала:

— Ректор Валио, где Мирайя? Почему её так долго нет?

— Наверное, потому, что она уже там, где ей нужно быть?

— приподняв левую бровь, отозвался он.

— Как? Почему?!

— Что «почему», Лерайя? Ответь мне, о чём ты грезила на лекциях, когда вам рассказывали об Оракуле и о том, что вас ждёт?

Щёки Леи мгновенно вспыхнули. В памяти вдруг отчётливо всплыли последние занятия в академии. Монотонный голос куратора Тронга. Какая же она дура! Как Лея могла забыть, что каждый, кто отправляется к Оракулу, получив предсказание, сразу перемещается напрямую к месту своей практики? Стыд-то какой! Она отошла в сторону и стала ждать, когда же дверь Оракула откроется для неё. Один за другим однокурсники исчезали в чёрном проеме. Наконец, когда уже никого не осталось, кроме неё, створки разошлись снова. Лея заглянула внутрь и увидела вдали едва мерцающий огонёк.

— Лея... Тебе пора. Удачи тебе, девочка. Да хранит тебя Пресветлая.

Девушка удивленно посмотрела на ректора. Определенно, этот старый интриган что-то знал! Но развить эту мысль не получилось — свет внутри врат манил её с непреодолимой силой. И она сделала шаг, потом ещё один, и ещё...

— Дедушка?! — негромко позвала она, оказавшись внутри.

На её голос старик, согнувшийся над чашей и усердно в ней что-то рассматривавший, медленно оглянулся.

— А-а-а, вот и ты, Ищущая, — голос его был похож на шелест сухих листьев на ветру. — Наконец-то я тебя дождался. Подойди ближе. Посмотри в чашу. Что ты видишь?

Лея подошла к нему и наклонилась над каменным сосудом, пытаясь разглядеть в нём хоть что-то, кроме мутной воды.

— Ну? — нетерпеливо поторопил её старик.

— Вода!

— И всё? — спросил он с разочарованием и надеждой одновременно. Интересно: два абсолютно взаимоисключаю-

щих чувства.

— Мутная вода.... И... кажется, она начинает бурлить. Вода в чаше действительно закипела, будто злилась на надоедливых студентов, которым она вечно должна что-то показывать. «Что за бред? — пронеслось в голове у Леи. — Как вода может злиться?!»

Девушка взглянула на старика и похолодела от испуга: его глаза полностью заволокло белой мертвенной пеленой.

— Смотри глубже, девочка, что ты видишь?

Но Лея ничего не видела. Ну, по крайней мере, в самой чаше. От растерянности она стала осматриваться по сторонам. И вдруг слева, за прозрачным маревом воздуха, разглядела контуры дерева. Дерево? Откуда оно здесь взялось?

— Дедушка, а откуда тут дерево? И что с ним?

— Что именно ты видишь? — прошелестел Оракул.

— Листья на нём тусклые какие-то... как самоцветы в гроте. И отростки.... они словно растворяются во мгле.

— Плохо. Я до последнего надеялся, что минует нас эта

беда... — старик тяжело вздохнул. — Слушай меня, Лерайя. Это Древо нашего мира. Мрак поглотил его корни, и оно постепенно угасает. Как только погаснет последний лист — наш мир умрёт. Только ты можешь спасти его, Ищущая. Ты найдешь спасение там, где земля закована в серый безжизненный камень, а воздух отравлен гарью. Там ты встретишь Удерживающего, чей разум скован льдом и страхом. Он не знает твоего истинного имени, но наречет тебя Лерой. Обожги его этим именем, напomini ему то, что он забыл, — и тогда вы станете ключом к спасению...

Не успел Оракул закончить свою речь, а Лея — задать ему ту сотню вопросов, что роились в голове, как невидимая сила буквально вытолкнула её наружу. Пространство вокруг с хлопком перевернулось. Открыв глаза, она с ужасом поняла, что стоит посреди какой-то широкой серой ленты в густом тумане. Тяжёлый саквояж сам собой выскользнул из её ослабевших пальцев, с глухим стуком покотившись по асфальту, а прямо на неё на бешеной скорости нёсся яростно ревущий одноглазый монстр...

Глава 3

Глава 3

Спор Высших

Она сидела в зале Потоков и ждала. Нетерпение сквозило в каждом движении: поворотах головы, подрагивании рук, частых сменах позы.

Западные и Южные двери в зал открылись одновременно. Женщина вскинулась, напряжённо всматриваясь в вошедших мужчин:

— Ну, как всё прошло? Как девочка восприняла информацию? Они встретились?

Мужчины прошли в зал и опустились в стоявшие рядом кресла.

— Селестия, дорогая, успокойся, — первым отозвался Аэльдар, — мы всё сделали, как ты сказала.

— Да уж, — буркнул ректор, — метка сработала, они встретились...

— Борке, ты будто не рад, что у нас всё получилось, — по красивому лику Богини пробежала тень.

— А чему радоваться! Моя лучшая ученица! Гордость факультета! Находится сейчас неизвестно где и с кем, и я никак не могу ей помочь, — лицо ректора покрылось некрасивыми красными пятнами от нескрываемого гнева.

— Друг, скажи уж прямо, тут все свои и таить секреты ни к чему. Чего ты так переживаешь за эту природную ведьму? Неужто наш Ректор влюбился? — лукаво посмотрел на говорившего Аэльдар.

— Не мели ерунды, Аэль. Это, во-первых, а во-вторых...

— А во-вторых, — прервала ректора Селестия, — она твоя дочь.

Ректор с удивлением уставился на неё.

— Что ты так смотришь? Или ты надеялся скрыть что-то от меня в мире, созданном мной? — спросила Богиня, кинув на Валио многозначительный взгляд.

— То есть... Ты знала?! И всё равно позволила этому произойти? — мужчина гневался уже не на шутку.

— Эй-эй, угономись, а то сейчас моря выйдут из берегов, — попытался успокоить друга Аэльдар.

— Это мой мир, Валио. И он умирает, — жёстко отчеканила Селестия. — Я вольна использовать любые возможности для его спасения. И, прости, но твоя дочь идеально подходит на роль Ищущей. Она ведьма, и не простая, а природная — таких практически не осталось. Плюс ей передались твои силы. Не все, конечно, и они пока спят, но всё же.

— Вал, а девочка вообще в курсе, кто её отец? — поинтересовался Аэльдар.

На этот вопрос лицо Валио свело болезненной судорогой.

— Значит, нет, — резюмировал Аэльдар.

— Твоя жёнушка запретила мне хоть как-то проявляться в её жизни, — глухо произнёс ректор, — И этого, Селестия, я тебе никогда не прощу. Мы вместе только до тех пор, пока не спасём наши миры.

— Я не заставляла тебя прыгать в постель к той рыженькой смертной! — вскинулась Богиня, и её глаза полыхнули опасным светом. — Ещё раз: это мой ареал, а они его жительницы. Значит, принадлежат мне!

Мужчина и женщина смотрели друг на друга с плохо скрываемой злобой. Воздух в зале Потоков зазвенел от колоссального напряжения двух сталкивающихся сил.

— Селия! Вал! Прекратите! — Аэльдар резко встал между ними, и его голос громом раскатился под невидимыми сводами. — Мы собрались здесь не для того, чтобы помочь Мгле уничтожить всё, что нам дорого.

Дождавшись, пока страсти немного улеглись, он тяжело вздохнул, и пугающее сияние в его глазах сменилось привычной теплотой. Он повернулся к ректору:

— Пока я сегодня общался с ней в образе Оракула, успел присмотреться. Она у тебя сильная девочка, Вал. Справится.

Затем Аэльдар перевёл суровый взгляд на притихшую Богиню:

— А ты, Сели, умерь свои замашки. Если люди живут в мире, принадлежащем тебе, это ещё не делает их твоей собственностью. И всё же, давайте вернёмся к делу: партия начата, и мы, и Мгла сделали свои ходы. Что дальше? Может, стоит предупредить наших избранных? Дать им больше информации?

— Мы не можем активно вмешиваться, — ответила Селия.

— Ну да, как спасти твой мир, так пожалуйста, толкните на Путь, а как помочь тем, кто за тебя будет жар разгребать, то «мы не можем», — Валио с нескрываемым раздражением

посмотрел на вынужденную сора́тницу.

— Между прочим, Мгла затронет всех и всё. Вы также заинтересованы во всём происходящем, — Селестия изящно повела плечом. — Ну да, каюсь. Не смогла отказать себе в удовольствии изменить жизненный путь Лерайи, направив его в нужную мне сторону.

— Мы сейчас в той фазе, когда прямой контакт может только навредить, — заметив, что Валио хочет ей возразить, Аэльдар поднял руку в останавливающем жесте и продолжил: — Но это не помешает нам снабжать их необходимой информацией.

Валио посмотрел на друга, помолчал, обдумывая сказанное, после чего согласно кивнул и молча отправился к выходу.

Когда двери за ним закрылись, Аэльдар с лёгким осуждением взглянул на Богиню:

— Сел, могла бы и помягче с ним. Ты же знаешь, что для Вала значит семья.

— Знаю. Прости, не сдержалась, — тихо ответила Селестия, и её божественный лик смягчился. — Что будем делать дальше?

— А дальше мне надо будет снова предстать перед нашей Ищущей в образе Оракула, — Аэльдар посмотрел на Потоки, и его синие глаза загадочно блеснули. — Дам ей очередную порцию информации, чтобы наши детки не сбились с курса.

Где-то между Мирами

В это же самое время Лера взяла Кирилла за руку и сделала шаг вперёд. Пространство вокруг них схлопнулось с глухим вакуумным хлопком. Туман скоростного шоссе исчез, но вместо него Кирилла и Леру окружила странная, полумрачная пещера, стены которой едва уловимо подрагивали, словно были сотканы из тончайших нитей здесь и сейчас. Прямо перед ними возвышался массивный каменный сосуд, вода в котором бурлила и пенилась.

Лера, осмотревшись вокруг, вдруг осознала, что этот сосуд с бурлящей водой уже видела в пещере Оракула.

Кирилл же, резко отстранившись, оглядывался по сторонам. Его аналитический разум лихорадочно искал логические объяснения. Но всё вокруг было слишком осязаемым.

— Где мы? — хрипло спросил он, пятясь от бурлящей чаши. — Что это за место?

Лера, бросив на него взгляд, вдруг осознала, сколько всего ему надо объяснить, рассказать, а времени не так уж и много. Хотя... там, где они сейчас находились, оно как будто

переставало существовать.

— Насколько я знаю, мы там, где нет времени...

— Бред, — перебил её Кирилл, — его не может не быть.

— Послушай, я мало что понимаю в твоём мире. Этот режущий монстр, на котором ты мчался, странные дома... Для меня всё это чужое. А самое главное, когда я стояла там, на дороге, поняла, что теряю то, что было со мной с самого рождения, без чего не представляю свою жизнь.

— И что же это? — спросил её Кирилл.

— Свою магию, она как будто медленно вытекала из меня...

— Чушь. Магии не существует, — безапелляционно заявил Кирилл. — Что ты несёшь? Какая магия? — Кирилл запустил руки себе в волосы и взъерошил их.

— То же самое могу сказать и я, но про твой Мир. Разница в том, что я знаю о существовании множества миров, а ты даже не предполагал.

— Не важно! Я ничего не смыслю в ваших волшебных делах. Мне нужно вернуться в лабораторию. Там произошёл

какой-то сбой на 12-м стенде. Я должен ввести свой код доступа, чтобы остановить процесс распада...

Лера покачала головой, сделала шаг к Кириллу:

— Я не понимаю твои слова, но они ничего не остановят. «Процесс распада», как ты его называешь, уже начался, и он гораздо глубже, чем ты думаешь. Он затронул и мой мир тоже, да, может, и ещё какие... Но в одном ты прав: это нужно прервать, и ты — ключ.

Кирилл замер, останавливая поток мыслей в своей голове. Он всегда умел это делать: освобождать сознание для осмысления важной информации. Вдруг раздался ещё один голос:

— Послушай девочку, Удерживающий, она во многом права.

Кирилл резко обернулся. У чаши с бурлящей водой стоял старик... или нет? Кирилл силился всмотреться в его образ, но он как будто размывался, словно у человека было две личности. Кирилл упрямо встряхнул головой, пытаясь вернуть разуму контроль и найти в происходящем хоть какую-то привычную физику процесса. «Оптический обман, деструктивный спазм зрительного нерва из-за стресса», — мысленно отчеканил он, пытаясь защититься наукой.

Но его взгляд, вопреки логике, сработал как мощный, хищный сканер. Он не просто смотрел — он неосознанно, грубо взламывал пространство вокруг старика, заставляя чу-

жую маскировку трещать по швам и осыпаться пеплом. Оракул удивлённо приподнял бровь, искренне списав это на феноменальную ментальную силу земного учёного. Древний даже не догадывался, что эта «тёмная лошадка» только что впервые показала свои истинные зубы... Кирилл заставил себя зажмуриться, относя всё на переутомление, даже не подзревая, чья именно кровь прямо сейчас закипела в его жилах...

- Хм, а ты силён! Не думал, что тебе вот так сходу удастся разглядеть мою сущность. – Оракул, с улыбкой посмотрел на Кирилла, потом на Леру, - молодец, Ищущая, тебе удалось его так быстро отыскать.

Лера зарделась. Ведь ей ничего не пришлось делать специально.

- И так, дети, - Кира и Лера, было вскинулись, - ну-ну, не кипятитесь: для меня вы дети. Времени у меня, да и у вас не так уж и много, поэтому вернёмся к сути. Вам предстоит найти нулевую точку, с чего всё началось, остановить Мглу ещё до пробуждения, а потом очистить от неё все миры, до которых она успела дотянуться.

Старец опустил в чашу руку и вода в ней успокоилась и засветилась ровным серебристым сиянием.

Лера вдруг подумала, о том, что не так давно, практически несколько мгновений назад Мирри назвала этого... (человека ли?) «старым маразматиком», а сейчас он для неё и для этого,. Как его, а , Кирилла, открывает дверь в вечность.

А Кирилл стоял и следил, как серебристое нечто стало вытекать из чаши и, разделясь на два потока, устремилось к нему и к этой, как её – Лере. Всё ещё слабо веря во всё происходящее, Кирилл неотступно следил за серебристым потоком, стремящимся к нему.

Оракул рассчитал так, что оба змеевичка должны были достигнуть детей одновременно, но.... Но куда же деться без этого злосчастливого «но». В тот момент, когда правый и левый змеевики подняли головы, чтобы сделать бросок и коснуться запястий своих хозяев, Кира шагнул назад. Его змеевик задержался на долю мгновения, но этого хватило, чтобы Лера, подхваченная своим потоком, перенеслась. Всего удар сердца... Что может пойти не так? Как оказалось многое. Змеевик Кирилла всё-таки добрался до него, погладил его по запястью, как раз в том месте, где совсем недавно багровела метка, оставленная Лерой. Окутал всего его своим светом и перенёс.

- Эх молодо-зелено, - проворчал Оракул, - да чего уж. Чувствовал же, что всё слишком гладко. Теперь ищи, куда их занесёт, а потом снова направляй. Стар я для этого всего стал...

Тем временем Лера и Кирилл падали через Великий Разрыв. По отдельности. Сила Леры утягивала её в родные магические пласты, а логическая суть Кирилла стремилась к технологическим координатам. Поток времени мягко и неизбежно распределил каждого в свою отправную точку.